

**Акты конституционного значения в системе управления
Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.)*****The Administrative System of Kalmyk Autonomous Oblast
(1920–1935): Acts of Constitutional Significance***Е. А. Гунаев (E. A. Gunayev)*¹

¹ кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: gunayeva@kigiran.com
Ph.D. in Law (Cand. of Juridical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: gunayeva@kigiran.com

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть роль актов конституционного значения в системе управления одной из российских автономий — Калмыкии — в 1920–1935 гг., когда регион имел статус автономной области. В отличие от автономных республик автономные области не принимали свои конституции и законодательство, однако их жизнедеятельность регулировалась, кроме законов, постановлений центральной власти (РСФСР), также внутренними документами, среди которых важнейшую роль играли акты конституционного значения, определявшие статус автономных областей, систему и полномочия их органов государственной власти, вопросы самоопределения народов, территорию и границы автономий и др. Хотя конституционное законодательство РСФСР в начале советского периода допускало принятие в отношении каждой автономной области собственного Положения об автономии, практически ни в одной из них по разным причинам оно не было принято. В Калмыкии подобные документы, как и в других автономных областях, носили разрозненный характер, что в определенной мере затрудняет определение актов конституционного значения. По мнению автора, актами конституционного значения выступали, по сути, несколько отдельных нормативных постановлений, которые в совокупности с федеральными составляли неконсолидированную своеобразную «малую конституцию» региона.

Ключевые слова: РСФСР, Калмыцкая автономная область, декреты Советской власти, декларации, постановления съездов, акты конституционного значения

---

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910096-7)

Abstract. The paper aims to examine the role of acts of constitutional significance within the administrative system of Kalmykia — one of Russia's autonomies — between 1920 and 1935 when the region ranked as an autonomous oblast. Unlike autonomous republics, autonomous oblasts adopted no constitutions and related laws; still their activities were regulated by internal documents — in addition to laws and decrees of central authorities — and a most important role among the latter was played by acts of constitutional significance that determined the status of autonomous oblasts, structure and powers of their government bodies, issues of national self-determination, territories and borders of autonomies, etc. Though in the early Soviet period the RSFSR's constitutional legislation acknowledged the right of autonomous oblasts to adopt respective Statutes of Autonomy, virtually none of them — for various reasons — passed such acts. Like the case with any other autonomous oblast, Kalmykia's documents were fragmentary enough, this hampering the identification of acts of constitutional significance. The article concludes only a few unrelated regulatory resolutions virtually served as acts of constitutional significance that, coupled with federal ones, delineated a somewhat non-consolidated 'minor constitution' of the region.

Keywords: RSFSR, Kalmyk Autonomous Oblast, decrees of the Soviet Government, manifests, decisions of congresses, acts of constitutional significance

Особенностью конституционного развития РСФСР в 1920–1930-е гг. XX в. в сфере национально-территориального устройства государства являлось наличие нескольких уровней автономии — автономных республик, автономных областей, автономных трудовых коммун, национальных округов и национальных районов. Все они, кроме национальных районов, составляли разновидность политической автономии в виде государственно-политической (автономная республика) и административно-политической (автономная область, автономные трудовые коммуны, национальные округа).

Автономных трудовых коммун возникло только две (Немцев Поволжья и Карельская), и в 1923 г. они преобразовались в автономные республики. В 1925 г. появляется новый вид автономии — национальный округ. Национальные районы — это собственно административная автономия, своего рода уровень местного самоуправления [Кутафин 2006: 134; Иванцов 2013].

Проблемы истории государственности Калмыкии советского периода наиболее полно и обстоятельно исследованы в трудах К. Н. Максимова [Максимов 1970; 1975а; 1975б; 2002; 2013; 2016а;

2016б; 2017; Максимов, Мацакова 2016]. Также отметим работы У. Б. Очирова [Очиров 2006; 2015], О. В. Северцева [Северцев 2015а; 2015б] и публикации М. И. Мацаковой (Кичеевой) [Кичеева 2017; Мацакова 2016; 2017; Максимов, Мацакова 2016].

Однако в вышеуказанных работах подробно не рассматривается вопрос о специфике регулирования статуса Калмыцкой автономной области нормативными актами конституционного значения в совокупности федерального и регионального уровней. Общеизвестным в калмыцкой историографии является вывод о том, что Декларация прав трудового калмыцкого народа от 5 июля 1920 г. — это акт конституционного значения.

В настоящей работе рассматриваются отдельные аспекты, связанные со статусом Калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг., связанные с нормотворчеством в конституционной сфере. Автономная область занимала как бы промежуточное положение, не являясь высшей формой национально-государственного образования, как автономная республика, но, вместе с тем, не относилась к обычному уровню самоуправления. Автономные республики имели право принимать свои основные законы — конституции и, соответственно, законодательство. В отношении автономных областей ситуация была более противоречивой, особенно на начальном этапе строительства Советского государства.

В отношении автономных областей в советский период существовала научная дискуссия о статусе автономных областей, считать ли их субъектами РСФСР (см.: [Лебедев 2013; Некрасов 2011]). Также в конституционном законодательстве РСФСР подробно не регулировался вопрос о нормотворческой деятельности автономных областей (см.: [Шармоянц 2015]).

Как отмечает М. А. Митюков, регулирование статуса автономных областей, их образование осуществлялось в конституционной форме на основе статьи 11 Конституции РСФСР 1918 г. об автономных областных союзах. При этом значительную роль играли акты местного правотворчества, выражавшие волю отдельных народов на самоопределение в автономные области. Акты высших органов власти РСФСР об образовании автономных областей начала 1920-х гг. разрабатывались также с участием представителей заинтересованных национальностей и играли учредительную роль. Многие

из этих актов по своему содержанию (но не по форме. — *Е. Г.*) являлись положениями об автономных областях. В них определялись границы и внутреннее деление возникших тогда автономных областей, конституировались их органы государственной власти и управления, формы представительства на уровне РСФСР, определялась компетенция автономных областей РСФСР по аналогии с компетенцией губернских органов. С принятием Конституции СССР 1924 г. и соответствующей ей Конституции РСФСР 1925 г. усиливается роль конституционного регулирования основ статуса автономных областей. При этом определяющее значение приобретает республиканское конституционное регулирование, т. е. на уровне РСФСР [Митюков 1979: 9–11].

В частности, М. А. Митюков также обращает внимание на то, что вопросы внутреннего устройства автономных областей должны были быть конкретизированы в специальных положениях, но они не были приняты, что существенно затрудняет анализ статуса автономных областей этого периода. «Поскольку положения об автономных областях оказались не принятыми, то законодательство о них в исследуемый период представляло собой как бы попутное явление, связанное с регулированием деятельности местных Советов вообще или иных отраслей государственного и хозяйственного строительства» [Митюков 1979: 12].

Согласно О. И. Чистякову, «почти все образовавшиеся автономии были провозглашены соответствующими актами ВЦИК, Совнаркома или их обоих. Акты центральной власти определяли форму той или иной автономии, ее территорию, принципиальную структуру органов власти и управления, основы правового статуса. И после образования автономных единиц издавались отдельные акты ВЦИК и СНК, посвящавшиеся конкретным вопросам их строительства, преимущественно уточнению территории, конструкции государственного механизма, взаимоотношениям с центром» [Чистяков 2003б: 140].

О. И. Чистяков отмечал, что если в актах об учреждении автономных республик хотя бы в общих чертах определялось их правовое положение, то в отношении автономных областей этого почти совсем не делалось. Устанавливались только границы соответствующих областей, провозглашалось, что они будут автоном-

ной частью РСФСР. «В декретах об образовании Калмыцкой, Марийской и Вотской областей прямо говорилось, что определение их правового статуса — дело будущего, разумеется, ближайшего. Эти акты обязывали специальные комиссии из представителей народных комиссариатов по делам национальностей, внутренних дел и земледелия с участием представителей от заинтересованных национальностей разработать положение о каждой автономной области. В 1920 г. эти положения еще не были подготовлены» [Чистяков 2003б: 162].

О. И. Чистяков полагал, что применительно к периоду 1917–1922 гг. с учетом недостатка нормативного и иного материала, судить о статусе автономных областей довольно затруднительно, поскольку фактическое строительство большинства автономных областей выходит за рамки данного хронологического периода. «Автономную область следует рассматривать так же, как разновидность автономного областного союза, предусмотренного ст. 11 Конституции РСФСР 1918 г. Об этом говорит хотя бы сам термин автономная область» [Чистяков 2003б: 162–163].

В связи с этим в литературе приводится пример специфики государственно-правового развития отдельных стран, существование института «малой конституции». Среди них особое значение занимают так называемые акты конституционного значения. Как правило, они принимаются в переломные, судьбоносные периоды развития тех или иных стран и носят ярко выраженный политический, во многих случаях программный характер. Вместе с тем такого рода акты регулируют и наиболее существенные, всеобъемлющие проблемы жизни общества, которые в той или иной мере могут составлять конституционную материю. Зачастую данные акты могут затрагивать лишь частично сферы конституционного регулирования и имеют временный характер [Шульженко 2000: 81–83].

Правоведы отмечают, что в РСФСР в первые годы советской власти нормы права (декреты, распоряжения, постановления и инструкции) принимались преимущественно ВЦИК и СНК РСФСР, а также создаваемыми наркоматами. Условно к «законам» можно отнести только нормативные акты ВЦИК РСФСР как высшего органа Советского государства, действовавшего между Всероссий-

скими съездами Советов. В остальных случаях «речь шла о создании подзаконных актов, то есть о таком виде деятельности, как правотворчество» [Ревина, Головина 2011: 40–41].

В связи с этим, по нашему мнению, в Калмыцкой автономной области в рассматриваемый период роль «малой конституции» региона, помимо норм Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г., выполняли декреты, постановления и даже инструкции советской власти, а также местные акты конституционного значения, среди которых главная роль принадлежала Декларации прав трудового калмыцкого народа 1920 г.

Если рассматривать акты конституционного значения федерального уровня, то здесь речь идет только об актах, исключая собственно нормы Конституций РСФСР 1918 г., затем 1925 г. Они могут быть разделены на:

1) общегосударственные акты РСФСР в сфере национально-го вопроса — «Декларация прав народов России», Резолюция III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», ставшая впоследствии составной частью Конституция РСФСР 1918 г.

2) акты РСФСР непосредственно, касавшиеся определения политического и социально-экономического положения калмыцкого народа, — Постановление СНК РСФСР о новом устройстве земельного быта калмыцкого народа от 24 июля 1919 г.; Постановление совета народных комиссаров РСФСР «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства» от 15 октября 1919 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании автономной области калмыцкого народа» от 4 ноября 1920 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О границах автономной области калмыцкого народа» от 25 ноября 1920 г. [К истории образования 1960: 58–61; 82–84].

Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. непосредственно регулировала вопросы национальных отношений на таких началах, как «равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных привилегий и ограничений, развитие национальных меньшинств

и этнографических групп» [Заметина 2016: 46–47]. В первые годы становления советской власти ведущая роль принадлежала процессам самоорганизации этнических общностей, поддерживаемых со стороны государства. Так, 10 июля 1919 г. было принято Постановление СНК об организации содействия калмыцкому трудовому народу в созыве всеобщего калмыцкого съезда, 22 июля 1919 г. — Обращение СНК к калмыкам [Заметина 2016: 46–47].

О. В. Северцев отмечает, что Обращение СНК к калмыкам (более известное как Ленинское воззвание) от 22 июля и постановление СНК РСФСР от 24 июля 1919 г. явились «директивными документами для калмыцких и астраханских органов Советской власти, определяющими основы национальной политики в Калмыкии» [Северцев 2015б: 109].

Как отмечал О. И. Чистяков, «наряду с политическими мероприятиями Совнарком решил насущный экономический вопрос — о земле. 24 июля 1919 г. он издал декрет „Об устройстве земельного быта калмыцкого народа“, которым объявлял земли, степи достоянием трудящихся калмыков, предоставлял калмыцкому народу самому выработать правила пользования землей, запрещал всякое неорганизованное переселение в Калмыкию. Одновременно правительство позаботилось о важнейшей отрасли хозяйства степных народов. 23 августа 1919 г. Малый Совнарком обсудил проект положения об охране животноводства в Башкирии, Киргизской и Калмыцкой степях. Уже в декрете „Об устройстве земельного быта калмыцкого народа“ Совнарком проводил идею создания национальной государственности калмыков. Здесь говорится „о будущем правительстве“ Калмыкии» [Чистяков 2003а: 84].

Другим не менее важным актом явилось Постановление Совнаркома РСФСР «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства» от 15 октября 1919 г. Задача данного Постановления — решение проблемы «катастрофического уменьшения поголовья скота в результате военных действий в условиях Гражданской войны. С ним теснейшим образом было связано выделение Калмыкии в самостоятельную продовольственную область на основе постановления Народного комиссариата продовольствия от 10 октября 1919 г.» [Северцев 2015б: 113–114].

По сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г., Конституция РСФСР 1925 г. содержала специальную главу «Об автономных советских социалистических республиках и областях». Таким образом, были четко определены две формы автономии — автономная республика и автономная область. Как отмечали исследователи, «в данном отношении Основной Закон следовал не только сложившейся практике, но и общесоюзным конституционным нормам. В Конституции СССР закреплялись только эти формы автономии. Но в вопросе о том, кого Основной Закон РСФСР относил к членам Российской Федерации, большей четкости не наблюдается. В гл. 4 говорилось об автономных республиках и областях, о том же говорилось и в ст. 13. Но в ст. 2 фиксировалось, что Российская республика строится „на основе федерации национальных советских республик“» [Чистяков, Семидеркин 1976: 119].

Вопросам правового положения автономных образований была посвящена в основном глава 4 Конституции РСФСР. Для автономных республик предусматривались их собственные конституции, которые должны были утверждаться ВЦИК и окончательно Всероссийским съездом Советов. Статус автономных областей регулировался Положениями о них, которые должны были приниматься их съездами Советов и утверждаться ВЦИК [Чистяков, Семидеркин 1976: 120].

Конституция РСФСР 1925 г. (ст. 44), закрепив право съездов Советов АО принимать Положения об автономных областях и вносить их на утверждение ВЦИК, создала возможность кодификации законодательства об этом виде автономии. Однако, Съезды Советов автономных областей не воспользовались этим правом. Были лишь разработаны проекты данных Положений некоторыми автономными областями в 1930–1932 гг., а, например, Калмыцкая автономная область наряду с Северо-Осетинской представили в Отдел национальностей ВЦИК проекты Положений об областном и окружных съездах и их исполкомах [Митюков 1976: 50].

В связи с этим обратим внимание, что Резолюцией III Общекалмыцкого съезда Советов, состоявшегося 16–20 мая 1922 г. в г. Астрахани, было принято Постановление «Об органах государственной власти и управления Калмыцкой автономной области». По нашему мнению, данное постановление также имеет значение

конституционного акта наряду с Декларацией прав калмыцкого трудового народа.

Указанный документ регулировал статус и полномочия Общекалмыцкого съезда Советов, Центрального исполнительного комитета (так назывался Калмыцкий облисполком до 1926 г.), Пленума ЦИК, Президиума ЦИК, уисполкомов, волисполкомов (аймачных исполкомов) и сельсоветов, ЭКОСО [Национально-государственное 1981: 55–60].

Еще одним актом, регулировавшим права автономной области РСФСР в период районирования в составе укрупненных регионов, длительное время было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. «О взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти», исходящее из того, что одной из сторон в этих взаимоотношениях выступает автономия [Конституции 1940: 211–213; Кутафин 2006: 226].

Вопросам территориальной «неприкосновенности», прав «населения автономных областей на занимаемую территорию» были в свое время гарантированы специальным порядком передачи территорий указанных областей при выделении их в новую административную единицу или переходе из одной административной единицы в другую. Так, Инструкция ВЦИК и СНК от 30 января 1931 г., регулировавшая эти вопросы, предусмотрела, что «передача-прием территорий из одной автономной области в другую или из автономной области в автономную республику или в край (область) должны производиться согласительной комиссией самой автономной области» [Советы 1981: 63].

Представляется, что актами конституционного значения можно считать и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Нижне-Волжской области» от 21 мая 1928 г., соответственно и Постановление президиума Калмыцкого облисполкома «О вхождении Калмыцкой автономной области в состав Нижне-Волжской области» от 23 мая 1928 г. [Национально-государственное 1981: 170–171], как и все последующие акты, связанные с нахождением Калмыцкой автономной области в составе Нижневолжского, а затем Сталинградского края, до преобразования в автономную республику в 1935 г.

Несомненно, роль конституционного акта принадлежит и Положению «О бюджетных правах автономных областей», утвержденному ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа 1925 г. [Конституции 1940: 174–175].

Согласно М. А. Митюкову, «предметы ведения органов власти в управления автономных областей устанавливались практикой по аналогии с компетенцией одноименных органов административных областей на основе общих конституционных принципов, но с учетом вхождения автономных областей в края. Поэтому объем их правомочий по конкретным вопросам хозяйственного и социально-культурного строительства несколько отличался от компетенции административных областей» [Митюков 1979: 12].

Если говорить об актах собственно Калмыцкой автономной области, то, безусловно, определяющее значение имела Декларация прав трудового калмыцкого народа от 5 июля 1920 г. [Национально-государственное 1981: 24–27]. Общепризнанным является подход, согласно которому декларации являются документами политического значения. «Именно с разработки и принятия деклараций как программных политико-юридических актов начинается процесс конституционных преобразований, <...> и конструирования новой государственности» [Логвинова 2017: 107].

Однако Декларация прав трудового калмыцкого народа так и осталась бы политическим и программным документом, если бы ее положения не были реализованы в последующих актах. Выше мы привели пример Постановления «Об органах государственной власти и управления Калмыцкой автономной области». Другой пример — Постановление I съезда Советов трудового калмыцкого народа «О создании новых судов» от 2 июля 1918 г. [К истории образования 1960: 38–39]. Если Декларация регулировала организацию представительных и исполнительных органов власти будущей автономной области, то постановления и иные акты об организации судов и правоохранительной системы принимались обособленно, что связано, видимо, с большей централизацией в указанной сфере деятельности (подробнее о судебной системе см.: [Надбитов 2013, Очиров 2015, Улюмджиева 2016]). Однако и данные акты также относятся к элементам конституционного статуса автономной области.

В связи с этим Декларацию прав трудового калмыцкого народа нельзя рассматривать в качестве единственного акта конституционного значения, хотя ей принадлежала ведущая роль. По мнению автора, в связке с другими актами, развивавшими ее положения или же оказывавшими влияние на элементы статуса Калмыцкой автономной области (например, организация судебных и иных правоохранительных органов власти, организация финансовой и хозяйственной деятельности, вхождение в область, край в период районирования), все они вместе составляли своеобразную неконсолидированную «малую конституцию» региона.

Таким образом, специфика статуса автономных областей, в частности Калмыцкой автономной области, в 1920–1930-е гг. состояла в большей регламентации актами центральных органов власти и практически неразработанностью местного регулирования, что отражало ее природу как административно-политической автономии.

Литература

- Заметина 2016 — *Заметина Т. В.* Становление конституционных основ национальной политики в 1917–1940 годах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 46–47.
- Иванцов 2013 — *Иванцов И. Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.
- К истории образования 1960 — К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.): сборник док-тов и мат-лов. Элиста: Калмиздат, 1960. 104 с.
- Кичеева 2017 — *Кичеева М. И.* Создание национальной государственности Калмыкии в форме автономной области // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VI. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 48–50.
- Конституции 1940 — Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918–1937 гг.: сб. док-тов под общ. ред. ак. А. Я. Вышинского. М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1940. 299 с.
- Кутафин 2006 — *Кутафин О. Е.* Российская автономия. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 768 с.
- Лебедев 2013 — *Лебедев А. Н.* Советские государствоведы о проблемах и перспективах развития советской федерации (1918–1985 гг.) // Труды

- Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 24–41.
- Логвинова 2017 — *Логвинова И. В.* О политико-юридическом значении деклараций // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 106–110.
- Максимов 1970 — *Максимов К. Н.* Органы государственной власти и управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.). Элиста: Республиканск. тип. управления по печати при Совете Министров КАССР, 1970. 67 с.
- Максимов 1975а — *Максимов К. Н.* Высшие органы государственного управления Советской Калмыкии (1920–1971 гг.) // Ученые записки. Сер.: Историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 73–89.
- Максимов 1975б — *Максимов К. Н.* Государственные учреждения Калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг. (источниковедческий и историографический обзор) // Ученые записки. Сер.: Историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 54–72.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: ИД «Герел», 2013. 464 с.
- Максимов 2016а — *Максимов К. Н.* Наркомнац РСФСР и нациестроительство в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 59–66.
- Максимов 2016б — *Максимов К. Н.* Формирование представительных органов государственной власти Калмыкии после февраля 1917 г. и на первом этапе советского строительства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 10–18.
- Максимов 2017 — *Максимов К. Н.* Альтернативы в строительстве национальной государственности XX в. и значение их в исторической судьбе калмыцкого народа // *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2017. № 1. С. 64–73.
- Максимов, Мацакова 2016 — *Максимов К. Н., Мацакова М. И.* Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.
- Мацакова 2016 — *Мацакова М. И.* «Декларация прав трудового калмыцкого народа» 1920 г. — акт конституционного значения // *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2016. № 2. С. 135–141.
- Мацакова 2017 — *Мацакова М. И.* Создание национальной государственности Калмыкии в форме автономной области: некоторые аспекты

- [электронный ресурс] // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VI. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. С. 48–50.
- Митюков 1976 — *Митюков М. А.* О структуре и содержании нормативного акта о правовом статусе автономной области РСФСР // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе. Т. 260. Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 49–55.
- Митюков 1979 — *Митюков М. А.* Законодательство об автономных областях: Государственно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Томск, 1979. 21 с.
- Надбитов 2013 — *Надбитов М. В.* Развитие судебной системы в Калмыкии в первые годы советского государства (1917–1920 гг.) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2013. № 4. С. 86–88.
- Национально-государственное 1981 — Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.): сб. док. и мат-лов / сост. А. М. Джалаева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 367 с.
- Некрасов 2011 — *Некрасов С. И.* Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 106–126.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. С. Сенявский. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2006. 448 с.
- Очиров 2015 — *Очиров У. Б.* Правоохранительные и судебные органы Калмыкии в 1917–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 34–42.
- Ревина, Головина 2011 — *Ревина С. Н., Головина Е. В.* Об особенностях правотворческой деятельности в РСФСР в первые годы советской власти // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 40–44.
- Северцев 2015а — *Северцев О. В.* Национальное самоопределение / науч. ред. В. Б. Убушаев. Элиста: Изд-во БНУ РК ИКИАТ, 2015. 252 с.
- Северцев 2015б — *Северцев О. В.* Правовая основа образования калмыцкой автономии (1917–1919 гг.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2015. Т. 1. № 1 (30). С. 108–115.
- Советы народных депутатов 1981 — Советы народных депутатов. Конституционные основы организации и деятельности. М.: Наука, 1981. 382 с.

- Улюмджиева 2016 — *Улюмджиева Е. Л.* К вопросу о времени создания судебной системы в Калмыцкой степи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 56–62.
- Шармоянц 2015 — *Шармоянц А. Н.* Становление автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 42–48.
- Шульженко 2000 — *Шульженко Ю. Л.* Акты конституционного значения // Государство и право на рубеже веков. Мат-лы Всеросс. конф. Конституционное и административное право. М.: ИГП РАН. 2000. С. 81–86.
- Чистяков 2003 — *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М.: Зерцало-М, 2003. 215 с.
- Чистяков 2003 — *Чистяков О. И.* Становление «Российской Федерации» (1917–1922). Изд. 2-е, репр. М.: Зерцало-М, 2003. 343 с.
- Чистяков, Семидеркин 1976 — *Чистяков О. И., Семидеркин Н. А.* Конституция РСФСР 1925 г. // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 114–120.

References

- Chistyakov O. I. The 1918 Constitution of the RSFSR. 2nd ed., rev. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 215 p. (In Russ.)
- Chistyakov O. I. Development of the ‘Russian Federation’ (1917–1922). 2nd ed., reprint. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 343 p. (In Russ.)
- Chistyakov O. I., Semiderkin N. A. The 1925 Constitution of the RSFSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1976. No. 1. Pp. 114–120. (In Russ.)
- Constitutions and constitutional acts of the RSFSR: 1918–1937. Coll. documents. Acad. A. Ya. Vyshinsky (ed.). Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1940. 299 p. (In Russ.)
- Ivantsov I. G. Soviet forms of ‘minor autonomies’: nationality districts and municipalities in Kuban Region, 1924–1953 (a case study of Kuban Region and North Caucasus). Krasnodar: Al’fa-Print, 2013. 128 p. (In Russ.)
- Kalmyk People’s Autonomous Oblast: history of establishment revisited (Oct. 1917 – Nov. 1920). Coll. documents and materials. Elista: Kalmizdat, 1960. 104 p. (In Russ.)
- Kicheeva M. I. Establishing the nationhood of Kalmykia in the form of an autonomous oblast. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – VI*. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 48–50. (In Russ.)

- Kutafin O. E. The Russian autonomy. Moscow: TK Velbi, Prospekt, 2006. 768 p. (In Russ.)
- Lebedev A. N. Problems and development prospects of the Soviet Federation (1918–1985): opinions of Soviet constitutional lawyers. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2013. No. 6. Pp. 24–41. (In Russ.)
- Logvinova I. V. On the political and legal importance of declarations. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2017. No. 2. Pp. 106–110. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Alternative ways of the 20th-century nationhood construction and their impact on the historical destinies of the Kalmyk people. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2017. No. 1. Pp. 64–73. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Supreme government agencies of Soviet Kalmykia (1920–1971). *Uchenye zapiski*. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1975. Pp. 73–89. (In Russ.)
- Maksimov K. N. State agencies of Kalmyk Autonomous Oblast: 1920–1935 (a historiographic review). *Uchenye zapiski*. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1975. Pp. 54–72. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet era: policies and realia. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's past and present national policies and administrative system. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The People's Commissariat for Nationalities and nation-formation process. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 1. Pp. 59–66. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Formation of Kalmykia's representative bodies of state power after the February Revolution (1917) and at the initial stage of Soviet state construction. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 2. Pp. 10–18. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyk Autonomous Oblast (1920–1935): organs of state power and administration. Elista: Republ. Print House (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1970. 67 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Matsakova M. I. The establishment of the constitution of the national state of Kalmykia in the form of administrative autonomy. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 3. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Matsakova M. I. The 1920 Declaration of Rights of Kalmyk Working People — an act of constitutional significance. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 135–141. (In Russ.)

- Matsakova M. I. Establishing the nationhood of Kalmykia in the form of an autonomous oblast: some aspects. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – VI*. E. P. Bakaeva et al. (eds.), E. V. Bembeev (comp.). Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 48–50. (In Russ.)
- Mityukov M. A. The legislative framework of autonomous oblasts: a study in state law. A PhD thesis abstract. Tomsk, 1979. 21 p. (In Russ.)
- Mityukov M. A. An autonomous oblast within the RSFSR: structure and contents a regulatory act regarding its legal status revisited. *Problemy povysheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya na sovremennom etape*. Vol. 260. Is. 1. Tomsk: Tomsk State Univ., 1976. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Nadbitov M. V. Development of Kalmykia's court system during the early years of the Soviet era (1917–1920). *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2013. No. 4. Pp. 86–88. (In Russ.)
- Nationhood construction in the Kalmyk ASSR (July 1920 – June 1937). Coll. documents and materials. A. M. Dzhalalova et al. (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 1981. 367 p. (In Russ.)
- Nekrasov S. I. Autonomies and the 'national question' in Soviet state law (1917–1940). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2011. No. 3. Pp. 106–126. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia during the Russian Civil War (1917–1920). A. S. Senyavsky (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Law-enforcement and judicial authorities of Kalmykia in 1917–1925. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2015. No. 4. Pp. 34–42. (In Russ.)
- Revina S. N., Golovina E. V. RSFSR in the early Soviet era: some features of lawmaking activities revisited. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2011. No. 2 (15). Pp. 40–44. (In Russ.)
- Severtsev O. V. National self-determination. V. B. Ubushaev (ed.). Elista: Inst. for Compreh. Res. of Arid Territories, 2015. 252 p. (In Russ.)
- Severtsev O. V. A legal basis for the establishment of the Kalmyk people's autonomy (1917–1919). *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2015. Vol. 1. No. 1 (30). Pp. 108–115. (In Russ.)
- Soviets (councils) of people's deputies: constitutional fundamentals of their structure and activities. Moscow: Nauka, 1981. 382 p. (In Russ.)
- Ulyumdzhieva E. L. To the question about the inception of the judicial system in the Kalmyk Steppe. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2016. No. 2 (47). Pp. 56–62. (In Russ.)

- Sharmoyants A. N. Development of autonomous oblasts as lawmaking subjects in the Soviet era. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Ser. 'Juridical Sciences'. 2015. Vol. 1 (67). No. 3. Pp. 42–48. (In Russ.)
- Shulzhenko Yu. L. Acts of constitutional significance. *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov*. Conf. proc. Moscow: Inst. of State and Law of RAS, 2000. Pp. 81–86. (In Russ.)
- Zametina T. V. Formation of the constitutional foundations of the national policy in 1917–1940. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2016. No. 2 (109). Pp. 46–47. (In Russ.)